UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301323 2

Kadlubovskiĭ, A. P.
Gogol' v ego
otnosheniiakh k
starinnoĭ malorus-
skoĭ literaturĭe

PG
3335
Z8K24
1911a

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

PROFESSOR G. LUCKYJ

Kadlubovskii, A P 1

А. П. Кадлубовскій.

Gogol' v ego otnosheniiakh k starinnoi malorusskoi literature

ГОГОЛЬ

ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ СТАРИННОЙ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

РѢЧЬ.

НѢЖИНЪ.
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1911.

PG
3335
Z8 K24
1911a

Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ.

Произнесено на чествованіи памяти Гоголя, устроенномъ 20 марта 1909 г. Харьковскимъ Университетомъ, Харьковской Городской Думой и Историко-Филологическимъ Обществомъ при Харьковскомъ Университетѣ.

Совѣтъ Университета возложилъ на меня обязанность присоединить и мой голосъ къ хору голосовъ, которые въ знаменательный день, когда мы празднуемъ столѣтнюю годовщину рожденія одного изъ величайшихъ художниковъ русскаго слова, именемъ котораго принято обозначать цѣлый періодъ русской литературы, приносятъ его памяти дань благоговѣйнаго почитанія.

Правда, сфера моихъ главныхъ научныхъ интересовъ, древняя русская литература, далека, на первый взглядъ даже слишкомъ далека не только отъ обличительной сатиры „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, но и отъ заразительнаго смѣха первыхъ повѣстей Гоголя, его „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Однако, о такомъ крупномъ человѣкѣ, какъ Гоголь, о такомъ крупномъ явленіи, какъ его литературное творчество, разнаго рода спеціалисты найдутъ, что́ сказать, и сказать со своей точки зрѣнія. И тѣмъ болѣе можетъ говорить о Гоголѣ историкъ русской старины, что новыя явленія жизни и мысли тѣсными узами, органически связаны со старой, уже исчезнувшей, жизнью, и многое въ нихъ становится яснѣе и понятнѣе изъ этой связи. И вотъ, говоря о Гоголѣ, я, въ качествѣ историка древней русской литературы, постараюсь намѣтить связь его если не съ очень древней, то все же съ довольно отдаленной порой русской литературы.

Мы перенесемся мыслью отъ Гоголя болѣе, чѣмъ на два вѣка назадъ, въ ту пору, когда руководимые горячею любовью къ своему народу и искреннею жаждою просвѣщенія, выросшею изъ твердаго убѣжденія, что ему, народу, и его идеаламъ, и его православной вѣрѣ, можно служить только на почвѣ широкаго просвѣщенія,—лучшіе люди Юго-Западной Руси, въ братскомъ союзѣ съ московскими выходцами, полагали основанія новой школы и новаго направленія литературы. Они обратились къ единственному доступному для нихъ источнику,

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
John and Mary A. Yaremko Foundation

http://www.archive.org/details/gogolvegootnoshe00kadl

къ польско-латинской іезуитской школѣ, къ ея схоластической наукѣ и литературѣ. Эта школа и руководимая ею литература надолго утверждается въ Малороссіи, а потомъ переходитъ и въ Москву. Много разъ осуждали эту школу, ея науку и литературу за искусственность, за отдаленность отъ жизни, за формализмъ. Однако въ ней была особая струя правдивости и жизненности, вниманія къ окружающей дѣйствительности и особенно къ народной, даже простонародной жизни, съ довольно ясной демократической окраской. Сама школа, съ ея главною представительницей, Кіевской Академіей, во главѣ, не была отрѣзана отъ народа. Ученики школы были дѣтьми народа и въ нѣдра его возвращались временно—на праздники и совсѣмъ—по окончаніи школы; мало того, по большей части бѣдные бурсаки ходили по домамъ и пѣли духовныя пѣсни, получая за это въ награду съѣстное. Объ этомъ говорятъ историческіе источники, говорятъ и литературныя произведенія. Уже въ XIX в. Нарѣжный въ своемъ „Бурсакѣ“ заставляетъ своего героя разсказывать о такихъ похожденіяхъ, а немного позднѣе то же разсказалъ и Гоголь въ „Віѣ“; бурсаки по дорогѣ домой, какъ замѣчали „хуторъ, такъ сейчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились подъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, старый козакъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, рыдалъ прегорько и говорилъ женѣ: жинко! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала или чего нибудь такого“... Школяры такимъ путемъ въ народную среду вносили школьные литературные пріемы, но и въ школу они вносили народные вкусы; передъ нами картина живого и долгаго взаимодѣйствія. Изъ тѣхъ же бурсаковъ выходили и учителя школы, обязанные упражняться сами и учениковъ упражнять въ литературѣ. И какъ бы они ни уходили въ дебри чистой схоластики, отвлеченнаго богословія, формальной діалектики, но они чувствовали ту связь съ народомъ, благо котораго было цѣлью самой школы, благо котораго и побудило ея создателей отдать этихъ дѣтей народа въ тяжелую схоластическую выучку.

Особенное развитіе получила въ стѣнахъ школы драматическая литература, по стопамъ іезуитовъ, на средневѣковый образецъ. Разыгрывались пьесы на духовныя, библейскія и церковно-историческія темы; но и въ средневѣковомъ театрѣ въ духовныя пьесы вторгался элементъ современной житейской дѣйствительности и свѣжаго комизма, то въ видѣ забавныхъ персонажей, то въ видѣ отдѣльныхъ небольшихъ вставныхъ сценъ реальнаго характера, такъ наз. интерлюдіевъ; эти то интерлюдіи и полюбились южно-русскимъ авторамъ; въ нихъ

нашли себѣ выраженіе, хотя и не искусное на первыхъ порахъ, но свободное и непринужденное, реалистическіе ихъ вкусы, ихъ близость къ народной жизни. Уже въ 1619 г. въ Каменцѣ была играна польская драма объ Іоаннѣ Крестителѣ, въ которую, въ качествѣ интерлюдіевъ, вставлены были двѣ сцены, изложенныя стариннымъ украинскимъ языкомъ и представляющія въ лицахъ два народныхъ анекдота, одинъ изъ которыхъ, о лучшемъ снѣ, очень популяренъ въ народной поэзіи всѣхъ странъ Европы[1]). Передъ нами чисто житейская сценка, простонародная, освѣщенная добродушнымъ комизмомъ. Позднѣе въ трогательную пьесу о жизни Алексія Божія Человѣка вставлено два „игралища", въ одномъ изъ которыхъ на свадьбѣ Алексія пируютъ мужики, затѣвающіе между собою ссору; выраженная неуклюжими силлабическими стихами сцена эта всеже обличаетъ инстинктивное стремленіе представить обыденныя житейскія явленія. Въ началѣ XVIII в. лучшій авторъ интерлюдіевъ, кіевскій учитель, іеромонахъ Митрофанъ Довгалевскій, доводитъ ихъ до значенія небольшихъ пьесъ, затрогивающихъ разнообразные современные интересы, и узакониваетъ нѣкоторыя народныя черты ихъ въ своей теоріи поэзіи; относя ихъ къ области комедіи, онъ говоритъ, что героями ихъ являются простые люди: paterfamilias, lituanus, cyngarus, cosacus, hebraeus, polonus, turca, graecus...; онъ самъ выводитъ ихъ въ своихъ интерлюдіяхъ и, что любопытно, представителямъ разныхъ національностей даетъ каждому своеобразный выговоръ. Онъ оставилъ десять интерлюдіевъ. Послѣ него наиболѣе замѣчательными являются интерлюдіи, написанные въ его духѣ и вставленные въ духовную драму („Воскресеніе мертвыхъ") знаменитаго современника Екатерины II, архіепископа Георгія Конисскаго. У обоихъ авторовъ изображеніе современной, обыденной дѣйствительности, съ юмористическимъ колоритомъ: передъ нами то москали, дурачащіе малорусскаго мужика и обманомъ отнимающіе у него масло или пироги (у Довгалевскаго); то голодный цыганъ, который во снѣ видитъ колбасу, и его жена, которая его дурачитъ: уложивъ спать, опутываетъ его сѣтью; онъ, освободившись, прогоняетъ ее (въ драмѣ Конисскаго).

Но задачи авторовъ осложняются и углубляются изображеніями отношеній между разными народностями; и въ связи съ этимъ у нихъ слышны сквозь юморъ иныя, прочувствованныя и серьезныя ноты. Старая, еще свѣжая борьба съ поляками отражается въ интерлюдіяхъ.

---

[1]) Три товарища находятъ пирогъ и рѣшаютъ дать его тому, кто увидитъ лучшій сонъ; одинъ, послѣ сна, разсказываетъ, что видѣлъ себя въ раю; другой—въ аду; третій сообщаетъ, что, видя товарищей въ раю и въ аду, онъ уже не ожидалъ ихъ и съѣлъ пирогъ (онъ, дѣйствительно, съѣлъ его, пока они спали).

Запорожскій козакъ у Довгалевскаго поетъ пѣсню, въ духѣ и въ стилѣ народной думы, о разореніи родной земли, а гордый ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на продажу: онъ бьетъ мужиковъ, хвастливо мечтаетъ о покореніи всей Украины: но патріотически настроенный авторъ заставляетъ козака съ помощью москали то бить ляховъ, то запрягать ихъ въ ярмо. А у Конисскаго ляхъ убиваетъ дьячка и предлагаетъ въ видѣ выкупа мужикамъ 5 копъ, думая, что такой выкупъ со шляхтича за убійство хлопа достаточенъ: но крестьяне убиваютъ его.

Интерлюдіевъ въ послѣднее время открывается въ рукописяхъ все болѣе и болѣе: это, оказывается, былъ популярный и обильный родъ литературы. Между ихъ авторами въ XVIII в. современники называютъ нѣкоего „славнаго Танскаго, природнаго стихотворца, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ“:[1]) есть мнѣніе, что ему принадлежатъ указанные выше интерлюдіи къ драмѣ Конисскаго. А этотъ Танскій былъ, думаютъ, прадѣдомъ Гоголя, въ семьѣ котораго старая литературная традиція была жива: не забудемъ, что отецъ Гоголя, Василій Аѳанасьевичъ, и дѣдъ проходили ту же духовную школу. Отецъ его и самъ писалъ драмы. Въ одной изъ нихъ: „Собака—овца“, москаль дурачитъ мужика, совершенно въ стилѣ интерлюдіевъ Довгалевскаго: москаль увѣряетъ мужика, что овца, которую онъ ведетъ продавать, вовсе не овца, а собака, и подъ конецъ успѣваетъ убѣдить его и уговариваетъ отказаться отъ овцы, а самъ ее забираетъ. Во второй комедіи Гоголя отца: „Простакъ или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“,[2]) представлена народно-бытовая картинка, около этого же времени обработанная Котляревскимъ, который считается родоначальникомъ новой украинской литературы (въ комедіи „Москаль—чарівник“). Фабула совершенно та же: правда, развязка и положеніе героини иныя: у Котляревскаго жена, Татьяна, открываетъ мужу обманъ солдата, такъ какъ она не увлечена своимъ ухаживателемъ и хочетъ его проучить; у отца Гоголя онъ благополучно уходитъ, и нѣтъ той прописной морали, которою оканчивается пьеса Котляревскаго; за то затрогивается серьезный мотивъ, какъ въ лучшихъ интерлюдіяхъ: жена, Параска, насильно выдана за ни къ чему не способнаго и лѣниваго Романа, съ которымъ ей жить тяжело, и потому становится понятнымъ, что она увлекается сама молодымъ человѣкомъ. Издатель комедіи усматривалъ въ свое время въ ней „безсознательный протестъ противъ современнаго ему порядка вещей, при которомъ сплошь и рядомъ могли существовать жертвы невольной супружеской жизни“.

---

[1]) См. ниже указанную работу Н. И. Петрова (8-я стр.).

[2]) Она напечатана Кулишемъ въ „Основѣ“, 1862 г., № 2.

Такъ обзоръ интерлюдіевъ привелъ насъ прямо въ семью Гоголя, который съ дѣтства привыкъ къ театральнымъ и литературнымъ впечатлѣніямъ, смотрѣлъ на представленія въ домѣ своего знатнаго родственника Трощинскаго и самъ подвизался на школьной сценѣ. Отцовскія комедіи онъ цѣнилъ и взялъ нѣсколько эпиграфовъ изъ нихъ въ „Сорочинской ярмаркѣ".

Современные національные интересы затрогивались и въ серьезныхъ драмахъ стараго времени, даже въ духовной драмѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ пишетъ въ 1705 г. „Владиміра", но подъ видомъ просвѣщенія Руси христіанствомъ символически изображаетъ научное ея просвѣщеніе Петромъ Великимъ: онъ вводитъ комическій элементъ, въ видѣ языческихъ жрецовъ, подъ которыми разумѣетъ враговъ Петрова дѣла, враговъ просвѣщенія. Нѣсколько позднѣе, въ драмѣ „Милость Божія, Украйну свободившая", изображается въ качествѣ національнаго героя Богданъ Хмѣльницкій, который избавилъ родину отъ чуждой власти, и который въ началѣ пьесы „долю козацкую оплакуетъ и новые совѣты въ умъ пріемлетъ". А въ пьесахъ о Рождествѣ Христовомъ сочувственными чертами рисуются простые, бѣдные пастухи, убогіе крестьяне, которымъ ангелъ возвѣщаетъ о Рожденіи Спасителя, —черта, впослѣдствіи уже на Сѣверѣ воспроизведенная Дмитріемъ Ростовскимъ въ его Рождественской драмѣ. Георгій Конисскій въ своей духовной драмѣ, также касаясь дѣйствительности, даетъ обличительную нотку: онъ рисуетъ картину беззащитности слабаго человѣка отъ притѣсненій сильнаго, при корыстолюбіи и неправдѣ властителей и судей. Жизненныя черты старой драмы нашли себѣ особенное распространеніе въ представленіяхъ „вертепа", кукольнаго театра, который, выйдя изъ школы, сдѣлался такъ популяренъ: основною темою вертепнаго представленія была рождественская драма; но рядомъ съ нею на вертепной сценѣ куклы разыгрывали цѣлый рядъ реально-бытовыхъ сценокъ, въ духѣ интерлюдіевъ, сценокъ, проникнутыхъ тѣмъ же добродушнымъ юморомъ или національно-историческими симпатіями: тѣ же запорожцы, страшные врагамъ народа, цыгане, хвастливые ляхи и т. п.

Указанные вкусы вызвали въ литературѣ еще одно явленіе, именно пародіи на классическія литературныя произведенія, основанныя на „перелицовкѣ" ихъ на современные автору языкъ и нравы, въ мужицкомъ стилѣ. Общеизвѣстна „Енеида, перелицеванная" Котляревскимъ; но еще до нея былъ опытъ подобной передѣлки „Буколикъ" Вергилія, исполненный нѣкіимъ Лобысевичемъ: въ своемъ письмѣ Георгію Конисскому 1794 г. онъ говоритъ, что посылаетъ ему „Виргиліевыхъ пастуховъ", имъ „въ малороссійскій кобенякъ переодѣ-

тыхъ"[1]); къ сожалѣнію, трудъ Лобысевича до насъ не дошелъ, и мы не знаемъ въ точности, въ чемъ заключалось „переодѣваніе" пастуховъ римскаго поэта.

Старая малорусская традиція въ XIX в. ранѣе Гоголя находитъ себѣ выраженіе въ дѣятельности Нарѣжнаго, земляка Гоголя, также миргородскаго помѣщика: онъ пишетъ, правда, въ Петербургѣ и на русскомъ литературномъ языкѣ, какъ позднѣе Гоголь, но интересы его и точки зрѣнія связаны съ малорусской стариной; недаромъ его біографъ предполагаетъ, что въ дѣтствѣ онъ учился въ бурсѣ, нравы которой юмористически изобразилъ въ „Бурсакѣ". Въ Петербургѣ онъ привезъ знаніе малорусскаго быта и отношеній и вкусъ къ юмористическому представленію обыденной дѣйствительности.

Новое слово Нарѣжнаго было въ томъ, что эти вкусы и интересы онъ вложилъ въ форму повѣсти или романа, форму, которая ранѣе была популярна на сѣверѣ, а не на югѣ Россіи. Гоголь въ этомъ отношеніи послѣдовалъ за Нарѣжнымъ, которому, какъ извѣстно, онъ подражалъ и въ содержаніи нѣкоторыхъ повѣстей: бурсацкіе нравы изображены имъ въ „Віѣ", а съ повѣстью Нарѣжнаго: „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ", связана знаменитая повѣсть о другихъ двухъ Иванахъ, гдѣ изображена та же пустая гордость, та же готовность обижаться и ссориться изъ за пустяковъ, страсть къ судебнымъ тяжбамъ. Нарѣжный усвоилъ себѣ и ту любовь къ національному прошлому своей родины, которая такъ замѣтна въ старой литературѣ, и національную гордость ея былымъ величіемъ и славой; черты эти нашли себѣ выраженіе во второй части „Бурсака" (не говоря, конечно, о слабости историческаго изображенія въ ней). Но той нотки грусти, которая такъ слышна подъ часъ въ интерлюдіи, у Нарѣжнаго нѣтъ; его романы кончаются благополучною развязкой, счастливой картиной примиренія и идиллическаго счастія. Эта грустная нота была усвоена, какъ и всѣ лучшіе и здоровые элементы старой малорусской литературы, Гоголемъ; усвоены, развиты и углублены.

До него эти элементы не находили себѣ истиннаго художественнаго выраженія: ни Довгалевскій, ни сто лѣтъ спустя Нарѣжный не поднимаются до художественности изображенія и глубины замысла. Былъ одинъ, быть можетъ не только талантливый, но и геніальный человѣкъ среди дѣятелей старой литературы, но онъ бросилъ литературу для государственной и церковной дѣятельности, пойдя на при-

---

[1]) О Лобысевичѣ—см. *Н. И. Петровъ:* Одинъ изъ предшественниковъ Ив. Петр. Котляревскаго въ украинской литературѣ XVIII в., Аѳанасій Кирилловичъ Лобысевичъ („Статьи по славяновѣдѣнію", изд. 2-го Отд. Ак. Н., вып. I), Спб. 1904.

зывъ Петра; это Ѳеофанъ Прокоповичъ. Все, что было, представляетъ лишь начатки, и они остались бы лишь начатками, еслибы не оплодотворили творческаго генія великаго художника, такъ внезапно въ началѣ 30-хъ годовъ XIX в. выступившаго въ литературѣ и сразу покорившаго вниманіе общества и критики. Творчество Гоголя, какъ и вся его душевная жизнь, есть сложное и многообразное явленіе, отразившее на себѣ вліяніе многихъ факторовъ. Но едвали можно сомнѣваться, что однимъ изъ такихъ факторовъ, и самыхъ значительныхъ, была старыя литературныя преданія Малороссіи, что Гоголь связанъ съ ними крѣпкою цѣпью, доходящей до него, какъ въ послѣднихъ звеньяхъ, въ его отцѣ и въ Нарѣжномъ. Интересъ къ непосредственному изображенію обыденной, житейской дѣйствительности, къ простонародной, крестьянской жизни, сочувствіе къ народной жизни, къ народной пѣснѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ склонность къ добродушно-юмористическому представленію нѣкоторыхъ чертъ этой дѣйствительности не даромъ бросились въ глаза читателямъ уже первыхъ опытовъ Гоголя; патріотическая же гордость, любовь къ славѣ былыхъ временъ своей родины, къ пѣснѣ объ этой славѣ, сплетаясь съ тѣмъ же добродушнымъ юморомъ, какъ и въ старой литературѣ, только въ гораздо болѣе художественныхъ образахъ, такъ ярко выразилась въ „Тарасѣ Бульбѣ". Даже такая подробность, какъ изображеніе представителей разныхъ національностей, населяющихъ южную Россію, отразилось у Гоголя въ томъ же „Тарасѣ". А грусть, пробивающаяся сквозь смѣхъ въ старомъ интерлюдіи, такъ замѣтна стала у Гоголя уже въ тѣхъ слезахъ, которыя заблистали у него „сквозь видный міру смѣхъ" въ грустно-веселой повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича; но эта черта была углублена и расширена имъ до тоски отъ сознанія той мелочности и пошлости, которыя царятъ въ мірѣ и такъ искажаютъ высокую природу человѣка, и стала современемъ, по признанію самого поэта, наиболѣе характерною и оригинальною чертою его поэтической физіономіи.

Такъ дѣятели старой литературы облегчили путь Гоголю: ему можно было не блуждать долго, отыскивая этого пути; онъ послѣдовалъ ихъ указаніямъ, какъ съ другой стороны послѣдовалъ велѣніямъ своего неизмѣримо большаго художественнаго дарованія. Трудъ малоизвѣстныхъ, иной разъ безвѣстныхъ литературныхъ работниковъ не погибъ, но получилъ свое особое значеніе, когда его результатами, выработанными имъ принципами овладѣлъ великій художникъ, старое направленіе мысли озарившій своимъ геніальнымъ дарованіемъ, вложившій въ старыя рамки новое глубокое содержаніе, выразившій въ нихъ свою поразительно чуткую душу.

Если богатую русскую литературу, давно уже признанную во всемъ мірѣ, мы можемъ сравнить съ моремъ, питающимся многими потоками, то малорусская литература XVII и XVIII вѣковъ явится намъ въ образѣ обильнаго потока свѣжей воды: часть этого потока питала новую малорусскую литературу XIX в., другая въ творчествѣ Гоголя влилась въ море обще-русской литературы. И если эта старая литературная традиція важна для пониманія Гоголя, то и Гоголь для нея важенъ: въ немъ она нашла свой смыслъ и оправданіе; благодаря ему она получаетъ не только украинское, но и общерусское, а, быть можетъ, и гораздо болѣе обширное значеніе.

А. Надлубовскій.

M. C. 4/7/8

4-4

PG
3335
Z8K24
1911a

Kadlubovskiĭ, A. P.
Gogol' v ego otnosheniiakh
k starinnoĭ malorusskoĭ
literaturie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 05 18 11 012 4